

Виктория Левина

г. Ришон ле-Цион, Израиль

На берегу оставив день вчерашний...

Мне было больно, берег, было страшно
прощаться на год: жизнь моя – рулетка...
Двенадцать месяцев тактильных тоскований
по черноморской бархатной волне...
На берегу оставив день вчерашний,
я не дыша на будущее метку
бросаю в волны, берег упований
и утешений беспокойной мне!

И вот уже, вплетая запах розы,
навстречу мне – роскошные равнины
и горы близкие распахивают дали
и стелют путь к усадьбе на реке...
Жить от Болгарии вдали – сплошные слёзы,
поскольку и она, и я – едины
в своём стремленье утолить печали
от бешеного мира вдалеке.

И росным утром на лесной поляне –
глядеть в глазищи серны заповедной,
сплавляться по реке стремниной горной,
что меж порогов, точно жизнь, течёт...
Там бродит с флейтой в белых одеяньях
Орфей: сандалии, пояс с пряжкой медной, –
тень Эвридики ищет и упорно
столетьями любовь свою зовёт!

Перед звёздным дождём¹

Рогом горных козлов у скалы на отроге,
ярким росчерком звёзд, опадающих с неба,
в «марсианскую» ночь усмиряю тревоги,
что под музыку джаза
срываются в небыль...

Только так, только так –
жить над бездной в полёте,
жизнь кометно бросая с небес запятою!
Только здесь – к Богу ближе –
нирвану найдёте
между небом и каменной козьей тропею.

Фантастической пустошью
скального цвета
виртуально бреду
по верблюжьей дороге, –
в бедуинских шатрах от безумного лета
отдыхают усталые пыльные ноги.

Отдыхает душа и вливается в тело
терпкий смысл молока
от верблюдицы с фермы.
Время спит. Лишь внезапным орлом
пролетела
тень минутной строки
миражом эфемерным...

Перед звёздным дождём
я впитала пустыню
до песчинки, до катышка! И до рассвета
обомлевшим дыханием, горною стынью
жадно судьбы считала упавшего света.

¹ Прим. автора: раз в год, обычно в августе, в городке Мицпе-Ра-мон, находящемся на краю огромного кратера в пустыне Негев, празднуют «метеоритный дождь», отключая уличное освещение. Считается, что именно из этой точки страны звёздное небо просматривается лучше всего. Кажется, будто небо падает прямо на твою голову. Невероятное ощущение!

В лесу вздыхали ночью совы...

Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое. Может быть, это густой снег, падающий всю ночь, или зимние ручьи, где плещется форель.

**Константин Паустовский,
«Ручьи, где плещется форель»**

В лесу вздыхали ночью совы
и выл шакал и лань дрожала,
не так, как днём, – повторно, снова! –
тропинка под гору бежала,

её кропили лешим зельем
и укрывали темнотою...
Устав от частого безделья,
спала деревня под горою.

По лесу той тропинкой белой
прошёл медведь – следы остались.
Над чащею звезда горела.
В ночной реке форель плескалась.

В домах сельчане схоронились –
крепки дворовые засовы!
Зверьё по выпасам кружилось,
в лесу вздыхали ночью совы...

Медные копи царя Соломона

Медные копи царя Соломона,
красные скалы...
Ветром пустыни, сухим и солёным,
лица ласкало!
Древние гимны пустынной долины
спали в отрогах
розовых гор, что венчались козлиным
загнутым рогом,
ланью пугливой на пиках отвесных,
лётom орлиным...
Армией каменной в узницах тесных
спят исполины!
Спят, облачённые в яркие стразы,
сны фараонов...
Здесь брали золото, медь и алмазы –
мощь Соломона.

Тому, кто вял, кто сердцем чист...

И не добратся до конца,
до пограничья, до ограды,
до той дискретности души,
что ветром полнится, смеясь!
В преображении лица
играют роль лишь те обряды,
что тайным шёпотом в тиши
свою распространяют власть...

В реанимации сердец
и в обновленье чьих-то судеб
замешаны река и лес,
гора и ветра тонкий свист...
Предполагается конец
тем неприятностям, что люди
наносят, намерений без,
тому, кто вял, кто сердцем чист!

Взлетай на крыльях облаков
(присядь на кромку, свесив ножки) –
увидишь, как танцует лес,
опавших листьев шлейф крутя!
И ночью брошенных следов
в шараде на лесной дорожке
отыщешь смысл, и знак, и сенс,
как в жизнь бредущее дитя...

Купить книгу
[planeta-knig.ru/shop/2128/
desc/v-moej-bolgarii](http://planeta-knig.ru/shop/2128/desc/v-moej-bolgarii)

